

«Моя задача была — охрана Сталина»

Труж-1991-23 ОК.И.

Алексею Трофимовичу Рыбину 84 года. Бывший охранник Сталина, он сегодня преподаёт ребятам в группе, организованной при жёке музыки. Когда мы встретились с ним, он охотно отвечал на вопросы, рассказывая о «вожде народов».

С 1936 по 1943 год Алексей Трофимович был комендантом Большого театра. Должностью для нынешнего времени незнакомая, необычная. В чём же заключались его служебные обязанности?

— В Большом театре я попал, будучи начальником спецгруппы ОГПУ по вспомогательному сопровождению членов правительства. Это днем, а вечером служил военным комендантом Большого театра СССР. Здесь мои служебные обязанности были те же, что и днем, — охрана членов правительства, и в частности охрана Сталина.

— Он так часто посещал театр, что храму искусства потребовался военный комендант?

— На спектакли Сталин (нам по телефону сообщали, что в театр едут Румянцев, Власик, а позже Гуков, Хрусталив — сотрудники для поручений, и мы понимали: будет «сам») приезжал ни один раз в месяц. Иногда с ним были Молотов, Маленков, Калинин. Кроме того, в здании театра проходили торжественные заседания с участием членов ЦК и правительства.

Заглядывал Сталин и на репетиции, особенно часто в 1937 году на новые постановки Самуила Самосуда. В стране шла коллективизация, и было задание поставить оперу «Поднятая це-

лина». Музыку для этого спектакля написал И. Дзержинский. После генеральной репетиции «Поднятой целины» Сталин вызвал к себе в ложу Дзержинского и Самосуда. Я был рядом и слышал их разговор.

Сталин спросил: «Молодой композитор, как вы относитесь к классикам?» Тот потопорился ответить, что критически. Тогда Иосиф Виссарионович дал совет закупить партитуры всех классиков, положить их под изголовье, спать на них и, что самое главное, учиться у них.

— Сколько человек охраняли Сталина во время спектакля?

— Когда приезжало несколько членов правительства — и охрана была многочисленной: в моей команде было всегда 5—10 человек, и еще присылали человек пять. Наверное, этого вполне хватало, так как ни одного случая покушения на Сталина в театре не было.

Каждый из членов правительства приезжал в бронированном автомобиле (Сталин предпочитал «паккард») с одним сопровождающим — сотрудником для поручений. Со Сталиным в машине иногда было два таких сотрудника, например Василий Гуков и Михаил Старостин.

— Были ли в вашем арсенале минометы, подслушивающие устройства?

— Нет. Ничего подобного не

было. Проникнуть постороннему в театр, а тем более в правительственную ложу было практически невозможно. Кроме того, я регулярно вместе с главным электриком Петром Марковичем Воронкиным делал обход здания. Он должен был знать, куда какой провод ведет, а проводов была тысяча, ведь Большой театр потреблял электроэнергию, которой хватило бы для жизни города с населением в 200 тысяч жителей. Если электрик затруднялся сказать, куда ведет тот или иной провод, я вырезал из проводки кусок.

— Сталин вмешивался в ход репетиций или только наблюдал за ними?

— Вмешивался, и очень активно. Острая на язык певица Валерия Барсова называла Сталина сопостановщиком всех спектаклей.

— Ходят слухи, что тогдашние члены правительства и ЦК нежно любили певца и балерину Большого театра. И творческая карьера артистов зависела, мол, от того, насколько благосклонно они принимали ухаживания Сталина, Калинина, Берии...

— О Сталине в этом отношении не знаю. О Калинине тоже ничего не было известно. А вот Берия, действительно...

— Откуда такая уверенность? Грудно поверить, чтобы одинокий на протяжении многих лет мужчина каким был «отец всех народов», не искал тепла и ласки среди красивых женщин, таланту которых он отдавал должное...

— Если бы что-то было, я бы знал. У меня в театре были многочисленные доброжелатели. Ко-

торые передавали все разгворы и сплетни. Знал же я, кто из артистов уступал Берии.

— Известно, что в октябре 1941 года труппа Большого театра была эвакуирована в Куйбышев. Вы же оставались комендантом театра. Почему?

— Уехала только часть труппы, но спектаклей не было, так как здание было заминировано.

В его подвале находилось три тонны взрывчатки. Задача коменданта была: в случае взятия Москвы немцами, взорвать театр.

— При таком сценарии и просто случайное попадание авиационной бомбы могло поджечь и сам театр, и близлежащие дома, в которых были люди?

— Да, 28 октября 1941 года во время авианалета на театр была сброшена бомба. К счастью, разорвалась она у центрального входа на площади. Убило пятнадцать человек...

— Давайте вернемся к вашим непосредственным обязанностям коменданта.

— В Москве осталось около тысячи артистов театра. По инициативе Сталина был открыт филиал театра, и спектакли в момент, когда немцы стояли буквально у стен Москвы, возобновились. Однако в военные годы вождь в театре бывал крайне редко.

— И вы остались без работы?

— Работы мне всегда хватало. С 1943 года я был начальником спецгруппы по выявлению нелегально хранящегося оружия у населения. Моим районом работы был Арбат — правительственная трасса. Я должен

был обеспечивать безопасность правительства во время следования по Арбату. Команда моя состояла из доброжелателей, которые на добровольных началах и бескорыстно выполняли свой патристический долг и докладывали мне, кто и где хранит холодное и огнестрельное оружие. Жены рассказывали о мужьях, мужья — о женах, сосед — о соседе.

— Были ли среди вашей агентуры известные люди?

— Это не агенты и не осведомители, а патристы-доброжелатели.

— На мой взгляд, этих людей надо называть совсем по-другому. Впрочем, не будем спорить. Скажите, были ли друзья у Сталина? Кому из них он доверял больше всех?

— Кроме Жданова, самым близким был Маленков.

Сталин, мне кажется, по настоящему верил и доверял свою жизнь только охране и полагался только на нас...

После завершения беседы я еще долго находилась под впечатлением разговора, гнетущей атмосферы тех страшных лет, всевластия бериевской организации, имевшей сотни тысяч стукачей. Но этот страшный мир до сих пор близок и дорог Алексею Рыбину. Он остался предан и социалистическому строю и «хозяину» как после смерти его, так и после разоблачения. Верит в праведность «сильной руки», торжество кнута ради «великой цели» и по сей день...

Е. ИСАКОВА.